

DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.01

УДК [316.654:323/324+32.019.5](470+571)

В.В. Федоров
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ.
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «РУССКОЙ ВЕСНЫ»

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «РУССКОЙ ВЕСНЫ»

ФЕДОРОВ Валерий Валерьевич – кандидат политологических наук, гендиректор ВЦИОМ. E-mail: fedorov@wciom.com

Аннотация. В статье на примерах демонстрируется возрастающая роль опросов общественного мнения при принятии политических решений и построении политических программ. Автор подробно останавливается на кейсе о воссоединении Крыма и Севастополя с Россией: приводит данные «мега-опроса», реализованного совместно ВЦИОМ и ФОМ, а также комментарии Президента РФ относительно крымского вопроса. В основу исследования лег метод ретроспективы – автор приводит примеры влияния опросных данных на принятие ключевых политических решений начиная с 1980-х годов. Рассмотрены факты игнорирования опросных данных, приведшие к негативным последствиям как для политиков, так и для страны в целом. Сделан вывод, что отказ действовать с учетом стереотипов, ожиданий, настроений российского общества дорого обходится политической элите. И напротив, учет общественных настроений практически всегда приводит к росту общественной поддержки. Предпринята попытка типологизации конфликтов, возникающих на стыке общественного мнения и политики.

PUBLIC OPINION AND POLITICAL DECISIONS. NOTES ON THE MARGINS OF THE RUSSIAN SPRING

FEDOROV Valery Valerievich – Candidate of Political Sciences, VCIOM General Director. E-mail: fedorov@wciom.com

Abstract. The article considers the increasing role of the public opinion surveys in the decision-making process and political programs` development. The reconnection of Crimea and Sevastopol case study is analyzed using the data of the mega poll conducted by VCIOM and Public Opinion Foundation as well as the Russian president`s comments concerning the question of Crimea. The study is based on the retrospective method: the author provides examples of how the survey data has influenced the decision-making process since 1980s. According to the author, ignoring the survey data may lead to negative consequences for politicians and the country in general. The author concludes that refusal to take into account stereotypes, public moods and expectations may come at a high cost for political elite. On the contrary, keeping in mind public moods would gain public support. An attempt is also made to describe different types of conflicts at the junction of public opinion and politics.

Ключевые слова: общественное мнение, президент, Крым, ВЦИОМ, ФОМ, стереотипы, ожидания, настроения, опрос, референдум.

Keywords: public opinion, president, Crimea, VCIOM, POF, stereotypes, expectations, moods, poll, referendum.

Общественное мнение – трудноуловимая, изменчивая и легко поддающаяся противоречивым интерпретациям субстанция, без которой, тем не менее, невозможно ни представить, ни оценить перипетии общественной жизни. Драматические события первой половины 2014 г. на Украине и в Крыму сопровождались не только значительными подвижками в настроениях российского общества, фиксируемых всеми полстерскими центрами, но и ростом политической значимости социологических данных, что отмечалось как политиками, так и самими социологами. Достаточно указать на три эпизода, когда цитирование данных опросов общественного мнения Президентом В.В. Путиным явно свидетельствовало о на его потребности легитимировать принимаемые решения общественной поддержкой. В речи на церемонии подписания договора о воссоединении России с Крымом и Севастополем Президент процитировал данные «мега-опроса», проведенного совместно ВЦИОМ и ФОМ 15-17 марта, которые стали если не главным, то одним из главных аргументов в пользу признания результатов референдума в Крыму и Севастополе о воссоединении с Россией. «Глас народа» был явно и непротиворечиво увязан с результатами опросов общественного мнения: *«Каково же сейчас мнение людей в России? Здесь, как и в любом демократическом обществе, есть разные точки зрения, но позиция абсолютного – я хочу это подчеркнуть, – абсолютного большинства граждан также очевидна. Вы знаете последние социологические опросы, которые были проведены в России буквально на днях: порядка 95% граждан считают, что Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму. 95%. А более 83% полагают, что Россия должна это делать, даже если такая позиция осложнит наши отношения с некоторыми государствами. 86% граждан нашей страны убеждены, что Крым до сих пор является российской территорией, российской землёй. А почти – вот очень важная цифра, она абсолютно коррелируется с тем, что было в Крыму на референдуме, – почти 92% выступают за присоединение Крыма к России. Таким образом, и подавляющее большинство жителей Крыма, и абсолютное большинство граждан Российской Федерации поддерживают воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией. Дело – за политическим решением самой России. А оно может быть основано только на воле народа, потому что только народ является источником любой власти»¹.*

Таблица 1 Распределение ответов на вопросы о присоединении Крыма к России, %

Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму? (закрытый вопрос, один ответ)	
Да, должна	94
Нет, не должна	3
Затрудняюсь ответить	3

¹ <http://kremlin.ru/news/20603>

Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму, даже если это осложнит отношения с другими странами? (закрытый вопрос, один ответ)	
Да, должна	83
Нет, не должна	7
Затрудняюсь ответить	10
Вы согласны или не согласны с мнением, что Крым – это Россия? (закрытый вопрос, один ответ)	
Да, согласен	86
Нет, не согласен	9
Затрудняюсь ответить	5
Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к нашей стране в качестве субъекта Российской Федерации? (закрытый вопрос, один ответ)	
Да, согласен	91
Нет, не согласен	5
Затрудняюсь ответить	4
Источник: Совместный всероссийский мегаопрос ВЦИОМ и ФОМ проведён 15-17 марта 2014 г. Методом телефонного интервью опрошено 48590 человек в 83 субъектах РФ. Статистическая погрешность не превышает 1%.	

Позже В.Путин уточнил, что результаты опросов и результаты народного волеизъявления (на выборах или референдуме), пусть и коррелируют, но имеют принципиально разный вес с точки зрения легитимации политических решений, причем вес выборов\референдума – существенно выше: «я ждал результатов референдума. Одно дело – это социологические исследования, одно дело – настроения определённых групп, а другое дело – волеизъявление всех граждан этой территории в целом. Для меня очень важно было узнать, увидеть, каково же это волеизъявление. И когда стало ясно, что явка составила 83%, что 96 с лишним % высказались за присоединение к Российской Федерации, стало очевидно, что это абсолютное, просто практически полное большинство, если не сказать, всё крымское население. В этих условиях поступить иначе мы не могли»².

Тем не менее история воссоединения Крыма с Россией стала отличным кейсом, демонстрирующим всевозрастающее влияние опросов общественного мнения на принятие политических решений, причём опросов не только публичных, но и таких, которые президент назвал «скрытыми», т.е. непубличными: «... только после проведения первых социологических опросов, прямо скажу – проведённых скрытно, цифры были достаточно близки к реалиям, стало окончательно ясно, что нами линия поведения выбрана правильно. Первый социологический опрос показал, что за присоединение к России выступает около 80% населения в Крыму в целом, а в Севастополе – ещё больше. А на референдуме, когда уже процесс начал развиваться... это число возросло ещё почти до 97%...»³.

Столь частое и уважительное по тону цитирование Президентом РФ опросов общественного мнения явно контрастирует с его ранними высказываниями относительно того, что он обычно «делит на десять» результаты опросов, в том числе, когда они касаются его рейтинга (это напоминало известные слова Уинстона Черчилля о мутных водах общественного мнения, в которых он не советовал пребывать политику, принимающему серьезные решения). Теперь же опросы воспринимаются в высшей степени серьезно и с доверием.

² «Прямая линия» Владимира Путина 17 апреля 2014 г., <http://kremlin.ru/news/20796>.

³ Встреча В.Путина с представителями Общероссийского народного фронта 17 апреля 2014 г., <http://kremlin.ru/news/20753>.

Факт налицо: общественное мнение благодаря той роли, которую российская власть придала ему в деле воссоединения с Крымом, стало одним из главных источников политических решений.

В этой связи уместно набросать ретроспективу процесса возрастания роли общественного мнения при принятии политических решений в современной России и поразмышлять о многочисленных коллизиях, возникающих на пересечении между миром политического и социального. На российскую политическую сцену общественное мнение выходит в конце 1980-х годов, на волне зарождения островков нового социального, политического и экономического укладов. И хотя отдельные исследования общественного мнения велись в СССР с конца 1950-х годов, их результаты никогда не касались самых острых и политически актуальных проблем – КПСС бдительно охраняла свою монополию на знание и обнародование того, чего «на самом деле хочет народ», и не терпела соперников в столь фундаментально важной для себя сфере.

Что же позволило общественному мнению стать одним из важнейших институтов современного российского социума? Его укоренению в наших (не самых подходящих) реалиях способствовали, с одной стороны, информационно-коммуникационная революция, которая привела политику из высоких кабинетов в дома телезрителей (тем самым резко уронив престиж и статус политиков и подняв значение – и самомнение – простых граждан). С другой – демократизация политической системы, сделавшая источником легитимности любых должностных лиц всенародные выборы (немыслимые без изучения мнений избирателей). Так перемены в одних областях общественной жизни поддерживали и торили дорогу изменениям в других: новообретенный политический плюрализм, демократизация системы власти и либерализация СМИ не дали институту общественного мнения в России исчезнуть так же быстро, как он появился в конце 1980-х годах.

Создание в конце 1987 г. Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) во главе с Татьяной Ивановной Заславской было призвано, по мысли М.С. Горбачева, не столько подвести научную основу под новый курс, сколько повысить его легитимность во всё более жестких дискуссиях лидера перестройки с его оппонентами как с консервативного, так и с радикально-прогрессистского флангов. Однако первые же исследования ВЦИОМ, обнародованные в 1989 г., показали, что зигзаги политики Горбачева становятся все менее понятными советскому обществу, что консолидация вокруг последнего генсека КПСС не крепнет, а слабеет, что поляризация некогда монолитного советского народа быстро нарастает.

Такие данные, конечно, не могли служить подспорьем для обоснования правильности горбачевского курса, и ВЦИОМ не сыграл задуманной для него политической роли [2]. Зато советское общество впервые за многие десятилетия получило возможность узнать, что оно думает о себе самом, о властях, об их решениях. Регулярные замеры общественного мнения, осуществлявшиеся ВЦИОМ начиная с 1991 г., позволили не только зафиксировать расклад мнений советских людей по самым разным вопросам, но и ввели в понятие общественного мнения в повседневный политический оборот. Политические решения стали приниматься с учетом – а в некоторых случаях и просто под диктовку – общественного мнения, уловленного и обнародованного ВЦИОМом.

Функции фиксации, трансляции и интерпретации общественного мнения, прежде узурпированные КПСС, впервые получили независимого носителя. Тем самым начал утверждаться институт общественного мнения как чего-то отдельного, независимого от воли правящей партии, а то и противостоящего ей. Распад КПСС, а затем и СССР,

переформатирование всей структуры российской власти, переход к свободным выборам депутатов, президента, мэров и губернаторов сделали общественное мнение силой, от которой уже невозможно было отмахнуться – её следовало если не уважать, то хотя бы считаться, а для этого – знать и анализировать. Что нельзя измерить – тем нельзя и владеть, но ВЦИОМ и его коллеги-конкуренты (со временем от первого опросного центра отпочковались другие структуры), конечно, при помощи американских и западноевропейских полстеров, в течение буквально нескольких лет научились довольно эффективно измерять общественное мнение.

То, что роль общественного мнения в нашей политической системе многим политикам кажется даже чрезмерно влиятельной, подтверждается периодическими «информационными войнами» против социологов, якобы мистифицирующих граждан своими данными. Но несмотря на настойчивые попытки унижить и оболгать тех, кто изучает и озвучивает общественное мнение, сам его феномен не исчезает «с радаров» политиков, масс-медиа и влиятельных бизнесменов. Даже в моменты, когда общественное мнение явным образом бездействовало или безмолвствовало, интерес к его состоянию со стороны политического класса был неизменно велик.

Возможно, первый зафиксированный в литературе случай прямого и непосредственного влияния опросных данных на принятие ключевых решений в российской политике описан Егором Гайдаром: он неоднократно объяснял решительность и бесповоротность действий своего кабинета в начале 1992 г. попавшим в его руки докладом ВЦИОМ. Гайдара, по его словам, ошеломил ответ большинства респондентов на вопрос, когда же улучшится экономическая ситуация в СССР, гласивший: «никогда». Из этого он сделал вывод, что всякие страхи насчет того, что «народ не поймет» радикальные действия «правительства реформ», лишены оснований [1].

Роль общественного мнения в другой переломной точке современной российской истории, президентских выборах 1996 г., описана Александром Ослоном, работавшим тогда в избирательном штабе Бориса Ельцина: до знакомства с данными о минимальной поддержке Ельцина избирателями члены его команды строили кампанию так, что победа Геннадия Зюганова из возможной стремительно превращалась в неизбежную. Только интеграция опросных данных в механизм принятия политических решений Ельциным позволила ему «на флажке» выиграть выборы, не прибегая ни к военной силе, ни к масштабной фальсификации результатов голосования. С тех самых пор Администрация Президента, как руководящий и направляющий орган всей отечественной политики, непрестанно «держит руку на пульсе» общественного мнения, обязательно соотнося с ним политическую линию главы государства [3].

Примеры игнорирования данных опросов также довольно часты. Утешает лишь то, что они с завидной регулярностью демонстрируют нецелесообразность и самоубийственность такого образа действий даже для самого авторитетного и могущественного политика. Достаточно вспомнить неудачную реформу по «монетизации льгот» 2005 г., разработанную Михаилом Зурабовым - известным технократом, ни в грош не ставящим общественное мнение, и вылившуюся в первый по-настоящему серьезный политический кризис с начала правления Владимира Путина. В финансовом смысле монетизация обошлась во много раз дороже, чем планировалось, из-за необходимости задабривать возмущенных льготников. Это стало платой за пагубную самонадеянность министра труда и социального развития, своими действиями поставившего под вопрос политическую поддержку президента не только в среде

самих льготников, но и в гораздо более широких социальных группах – от студентов до пенсионеров.

Другой эпизод опасного игнорирования общественного мнения относится к сентябрю 2011 г., когда «рокировка» между Дмитрием Медведевым и Владимиром Путиным в преддверии очередных президентских выборов была публично объяснена тем, что два политика «договорились об этом с самого начала». Рокировка, как блестяще сформулировал Глеб Павловский, «исходила из ложного предположения, что управляемая демократия стерпит любые перегрузки действиями власти – опасны лишь действия улицы. Но на этот раз общество отказалось это проглотить» [4]. Столь неуважительное отношение к условностям демократической политики стоило правящему режиму, вкуче с рядом других факторов, полномасштабного политического кризиса, стартовавшего уже через несколько месяцев с первым митингом на Болотной площади. Чтобы удержать власть, команде Владимира Путина – Дмитрия Медведева пришлось не только существенно поменять политический курс, но и осуществить ограниченную политическую реформу.

Как видим, отказ действовать с учетом стереотипов, ожиданий, настроений российского общества дорого обходится политической элите – правда, уроки такого рода, ввиду общей архаичности устройства отечественной политики, никогда не выучиваются хорошо. Периодические «головокружения от успехов» происходят вновь и вновь, как только власть предрержащие, приняв молчание общества за безразличие, а пассивность – за слабость, исключают его из своих расчетов. И напротив, действия, предпринятые с пониманием и просчетом общественных настроений, практически всегда оборачиваются успехами, если считать их главным мерилom общественную поддержку.

Почему же ситуации, когда политики принимают решения, совпадающие с требованиями и ожиданиями большинства общества, остаются достаточно редкими – несмотря на, казалось бы, гарантированный политический эффект? Прежде всего общественное мнение скорее реагирует на внешние раздражители, чем само указывает направление действий; таким образом, первый ход всегда остаётся за политиками, а не за гражданами, и просчитать реакцию заранее бывает непросто. Риск берет на себя сам политик, и наградой ему может быть как огромная популярность, так и всеобщее непонимание (а то и негодование). Так, осенью 1999 г. В.Путин совершил ряд весьма опасных поступков (прежде всего – вторжение в Чечню), результатом которых стал взрывной рост его поддержки в обществе. И напротив, во второй половине 2011 г. он же сделал ряд шагов, которые получили очень плохую прессу и остались совершенно непонятными обществу (полет со стерхами и купание в Черном море с чудесным нахождением древнегреческих амфор). В этом случае можно посетовать на провал правительственных служб, в чью компетенцию входит объяснение обществу мотивов и целей власти; безусловно, такие провалы периодически происходят, особенно когда мнение профессионалов в сфере public relations не учитывается при планировании политики, а их самих используют как «пожарную команду» для устранения последствий уже совершенных политических ошибок.

Принципиально другая ситуация возникает, когда политик сознательно принимает решение пойти на непопулярные меры во имя тех целей или интересов, которые ему представляются высшими. Такой логикой обычно пользуются правительства, которые сами себя называют «камикадзе» и охотно приносят в жертву собственную краткосрочную репутацию - ради тяжелых, но единственно верных, на их взгляд, решений, которые им диктует собственная совесть, взгляд на своё место в истории или просто очередная миссия МВФ

(актуальная российская практика даёт особенно много образчиков такого «реформаторского мессианизма» – реформы Егора Гайдара, Михаила Зурабова, Дмитрия Ливанова и проч.).

Менее самовлюбленные и более практичные политики обычно ищут способы сохранить общественную поддержку, даже принимая самые сложные и неприятные решения – если только императив их действий не задают узкие группы интересов либо коалиции «ранних победителей», чья цель – оградить своё положение от поползновений более широких слоев общества. Так, в 1995 г. правительство Бориса Ельцина- Виктора Черномырдина, вполне сознавая несправедливость и непопулярность приватизации лакомых кусков государственной собственности в сырьедобывающем секторе через так называемые «залоговые аукционы», тем не менее пошло на них – ни в коем случае не по идеологическим причинам. Наоборот, целью аукционов было создание коалиции бизнесменов, кровно заинтересованных в победе Ельцина на близящихся президентских выборах и способных её профинансировать. И эта краткосрочная цель была достигнута - но сугубо отрицательная реакция общества на такой способ раздела между «своими» общенародного достояния надолго отравила атмосферу в стране и фундаментально дискредитировала сам институт крупного бизнеса. Он стал в полном смысле этого слова заложником благорасположения властей, единственно способных оградить его от народного возмущения неблагоприятным происхождением его капиталов.

Еще один тип ситуаций, в которых общественное мнение и политика властей радикально расходятся, порождается желанием политиков специально «подыграть» ожиданиям людей, повысив благодаря этому собственную популярность. Тут нередки ошибки в расчетах: политик может либо неверно интерпретировать общественный запрос, либо переоценить свои силы, либо недооценить сложность проблем, которые возникают при реализации его плана. И тогда вместо ожидаемой поддержки власть пожинает своими действиями только раздражение, недовольство и протесты. Классический пример такой ситуации - вторжение российских войск в Чечню в конце 1994 г., мыслившееся Ельциным как «маленькая победоносная война», столь необходимая ему в преддверии близившихся выборов президента.

В защиту политиков надо сказать, что сами исследователи общественного мнения зачастую снижают роль этого фактора в политической реальности, не умея правильно – или вовремя – интерпретировать её движения, их направленность и силу. Так, на первых выборах в Государственную думу России в декабре 1993 г. никто из опросных центров не смог спрогнозировать триумфального выступления партии Владимира Жириновского, зато ожидавшийся практически всеми успех партии власти не состоялся. И хотя с тех пор искусство выборного прогнозирования существенно продвинулось, казусы такого рода происходят регулярно. Из последних примеров стоит напомнить выборы 2011 г. в Государственную думу (когда правящая партия получила меньше, чем её прогнозировали, а оппозиция, соответственно, больше) и выборы мэра Москвы в сентябре 2013 г. (когда оппозиционер Алексей Навальный получил вдвое больше голосов, чем ему прогнозировали). Да и массовые выступления протеста, стартовавшие в декабре 2011 г., никто из социологов тоже не предсказывал. Как результат, политики меньше доверяют социологам и полстерам, полагаясь на собственную интуицию и чутье, которые, увы, тоже не безошибочны.

Недоверие к социологам порождает еще один тип ситуаций, когда политик действует строго противоположно общественным ожиданиям в расчете переломить ситуацию быстрым и энергичным натиском – ведь «удача любит смелых». Общественное мнение не просто не берется здесь в расчёт – ему отказывают в существовании под предлогом того, что социологи фальсифицируют информацию об истинных настроениях народа. К таким приемам регулярно прибегает оппозиция, чтобы завысить в глазах избирателей свои шансы на выборах.

Обличение социологов как «лжеученых» и «наймитов Кремля» уже несколько электоральных циклов кряду является обязательным элементом предвыборной борьбы. Последний по времени её всплеск пришелся на зиму 2011\2012 гг., когда оппозиция повела борьбу против режима, обвинив его в фальсификации результатов выборов в Госдуму, и попутно диффамировала все без разбора опросные службы, включая Левада-центр. Еще более последовательную борьбу против социологов ведет Алексей Навальный, создавший даже собственную опросную службу.

Последний тип конфликтных ситуаций, связанных с недоучетом общественного мнения политиками, возникает при включении третьей (или, по самоназванию, «четвертой») силы – масс-медиа. Распространенной иллюзией индустриальной эпохи, не исчезнувшей и после пришествия информационной эры, является всевластие СМИ над умами избирателей. В такой оптике общественное мнение представляется не субъектом, а объектом, притом весьма легко манипулируемым. Отсюда самой короткой дорогой к власти видится захват контроля над централизованными СМИ, прежде всего телевидением. Отмахиваясь от данных опросов, замороженные телевидением политики ожидают, что как только им удастся получить свободный доступ к ТВ, их популярность резко вырастет. Блистательный провал «болотной оппозиции», чьи лидеры получили долгожданный доступ в телеэфир в первой половине 2012 г., продемонстрировал, что власть «зомбоящика» нам умами и сердцами людей существенно преувеличена, а пределы эффективности политических манипуляций достигаются весьма быстро. И тем не менее иллюзии такого рода весьма живучи и постоянно порождают всё новые попытки политиков пренебречь учетом общественного мнения – в пользу прямого формирования его через «телевизионный пульт управления».

Таков краткий перечень коллизий, возникающих на пересечении политики и общественного мнения. Именно они заставляют политиков так часто «наступать на грабли», игнорируя, недооценивая или ошибочно трактуя силу и направление общественных настроений. Однако есть еще одна, гораздо более важная причина, не позволяющая раз и навсегда установить оптимальный *modus operandi* политиков с общественным мнением. Речь идет об изменчивости и подвижности самого общественного мнения, вследствие которых сходные действия политиков могут привести к совершенно разным результатам. Скажем, первая война в Чечне (1994-1996 гг.) была крайне непопулярна, тогда как вторая (1999-2002 гг.) – весьма популярна, со всеми вытекающими для рейтингов президентов России в это время.

Поэтому просто типологизировать коллизии, регулярно возникающие на стыке общественного мнения и политики, оказывается недостаточным, как только появляется осознание сложности феномена общественного мнения, его подверженности эволюционным изменениям. В чем природа этой изменчивости и подвижности? Подчиняется ли она определенным законам – например, законам маятникового движения, или другим, более сложным вариантам цикличности? Или же мы имеем дело с направленной эволюцией и должны рассматривать историю общественного мнения как процесс, последовательно и неуклонно ведущий к заранее детерминированному результату? Является ли эта детерминация внутренней, обусловленной законами развития общественного мнения (например, принципиальной неустойчивости общественных настроений, имманентно присущей им изменчивости), – или внешней, т.е. вызванной изменяющимися обстоятельствами экономического, социального, культурного, политического порядка? Каковы механизмы этой эволюции, обеспечивающие связь между внешним контекстом и внутренними изменениями? Каковы основные вехи и этапы эволюции общественного

мнения, их особенности и характерные черты? Наконец, как меняется институт общественного мнения – его структура, функции, роль в политическом процессе, взаимосвязи с политической системой и масс-медиа?

Именно эти вопросы, в связи с их важностью и актуальностью, и должны попасть в фокус изучения аналитиков и историков общественного мнения. Если это произойдет в ближайшие годы, современная история россиян как народа приобретет несравненно большую глубину и выразительность. Слишком долго молчавшее большинство обрело голос, политики и эксперты слушают его, но полноценного набора инструментов для понимания, о чем же говорят люди, что стоит за их жалобами, требованиями, ожиданиями – пока нет. Создать его – наша задача.

Литература

1. Гайдар Е. Т. Гибель империи. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006.
2. Левинсон А. Мне выпала роль вестового, который буквально донес мнение народа до властей // Коммерсантъ-Weekend. 2014. 23 мая.
3. Ослон А. Как в 1996 г. аналитическая группа сделала опросы социальным фактом // Социальная реальность. 2006. № 6.
4. Павловский Г. Власти, эмоции и протесты в России // Гефтер : [веб-сайт]. 2014. 1 июля. URL: <http://gefeter.ru/archive/12661>.